

Ю. В. ЧАЙКОВСКИЙ

ОСТРОВ ГРУЛАНДА И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ПРОХОД, ИЛИ СОПОСТАВИМ ЗАГАДКИ

В 2004 г. в журнале ВИЕТ появилась прекрасная статья Л. С. Чекина «Открытие арктического острова русскими мореплавателями эпохи Колумба»¹. Она довольно далека от моих занятий, но всё же хочу поделиться своими замечаниями о ней, надеясь, что они могут быть полезны. В основе их лежит метод замечательного биолога-теоретика А. А. Любищева, которого мне хочется считать своим учителем, хотя беседовали мы лишь однажды, и по молодости лет я был совсем не готов оценить масштаб его личности.

Этот метод (назван мною «чтение поперек»²) требует сопоставить все загадки, неясности и даже просто нелепости, выявляемые в ходе работы над какой-либо проблемой, и уже затем оценивать – все вместе, с единой точки зрения. Он прямо противоположен господствующей традиции решать каждую задачу отдельно, исходя из ее специфики, и с его помощью Любищев блестяще показал, например, беспочвенность царившего в его время дарвинизма.

С помощью данного метода мне удавалось находить ответы на вопросы, казавшиеся безнадежными нескольким поколениям ученых. В первый раз – при анализе причины гибели геолога Э. В. Толля и его спутников в 1902 г. – все факты удалось объяснить с единой позиции: группу погубил жестокий конфликт³. Во второй раз – при реконструкции астрономических знаний ионийской школы вообще и Фалеса в особенности: невозможность реконструкции оказалась заблуждением, сохранившимся с тех времен, когда о Фалесе не знали ничего, кроме реплик Аристотеля. При этом для понимания пришлось отказаться ото всех «конъектур», т. е. произвольных замен текста, сделанных филологами, равнодушными к астрономии. Метод был выражен в форме шести простых правил⁴. В обоих случаях выводы оказались приемлемыми для коллег.

Статья Чекина напоминает о письме, которое 14 июля 1493 г. послал немецкий врач и картограф Иероним Мюнцер португальскому королю Жуану II. В нем, в частности, сказано про огромный северный остров Груланда (полторы тысячи км вдоль берега), находящийся во владении московского государя, причем открытый недавно, но уже имеющий огромное поселение. Чекин обоснованно отвергает идеи, что это могли быть Гренландия или Шпицберген, и выдвигает допущение, что речь могла идти как об острове, так и о береговой суше. Опираясь на большой

¹ Чекин Л. С. Открытие арктического острова русскими мореплавателями эпохи Колумба // ВИЕТ. 2004. № 3. С. 3–42.

² Чайковский Ю. В. Эволюция. М., 2003. С. 166.

³ См.: Чайковский Ю. В. Почему погиб Эдуард Толль? // ВИЕТ. 1991. № 1; Лейтенант Колчак и Русская полярная экспедиция // ВИЕТ. 2001. № 4.

⁴ См.: Чайковский Ю. В. Фалесова наука в историческом контексте // Вопросы философии. 1997. № 8; Чайковский Ю. В. Книжки Л. Я. Жмудя и реконструкция раннеантичной науки // ВИЕТ. 2004. № 2.

материал, он делает вывод, что свидетельство соответствует другим тогдашним сведениям о европейской Арктике. Свое мнение, какую именно сушу следует отождествить с Груландой, автор не высказал.

Недостатков в статье (если не считать преобладания постороннего материала, из которого очень трудно извлечь относящийся к теме статьи) мне видно всего три. Первый и главный: исследована только та часть письма, где упомянута Груланда. Поскольку письмо Мюнцера являет собой политический ребус, его нет смысла разгадывать по частям.

Второй: почти не анализируется то мнение, что под именем Груланды упомянута Новая Земля. При личной встрече Леонид Сергеевич сказал мне, что тут больше нечего анализировать, поскольку данную позицию никто до сих пор не брался всерьез обосновывать. Пусть мое письмо будет поводом для анализа.

Третий: в перечислении народов, которые якобы прославляют Жуана II, в этнониме *apolonios scithos* без всякого обоснования (лишь по традиции) вставлена запятая, так что вышло два этнонима: «аполонии, скифы» (с. 6). Кто скифы, можно при этом лишь гадать, а об аполониях и догадок нет, – просто принято видеть тут опечатку оригинала и читать *polonios*, т. е. «поляки». Данное чтение, как увидим, бессмысленно.

Здесь мы подошли к **первому приему** предлагаемого метода: никогда не изменять исследуемый текст, пока не исчерпаны все пути понять его в том виде, в каком он до нас дошел. (Обычен противоположный прием – при любой неясности изменять текст «по смыслу», т. е. в силу непонимания авторского смысла. На этом пути трудно остановиться, что и видим: придумав запятую, приходится придумывать опечатку, а получив при этом бессмыслицу, остается заключить, что сам пассаж, – посторонний тексту, – вставлен для украшения.) Как мы увидим ниже, этноним *apolonios scithos* естественно читается: «аполлоновы скифы», что уже предлагалось⁵, и это служит ключом к ребусу.

Для разгадки ребуса надо выписать нужный текст целиком. В этом состоит **второй прием** предлагаемого метода. Полный перевод письма Мюнцера приведен в книге С. В. Обручева⁶, мы же можем ограничиться списком загадок – самого письма и окружающих его обстоятельств (**третий прием**).

Письмо призывает португальского короля послать морскую экспедицию для открытия пути в Китай, причем Мюнцер прямо пишет, что действует по поручению римского короля Максимилиана. Поскольку к тому времени не только Колумб вернулся из первого плавания с триумфом, но и римский папа издал буллу, дававшую испанцам право на владение вновь открываемыми землями в Атлантике, встает ряд недоуменных вопросов:

1. Почему Мюнцер предложил Жуану примерно то, что уже совершил Колумб? Не зная об этом после папской буллы Максимилиан не мог.

2. Зачем Максимилиан решил давать советы королю, гораздо более сведущему в морских делах? (Жуан был племянником и преемником Генриха Мореплавателя.) Какую выгоду он предлагал и какую искал для себя?

3. Что за странный способ беседы монархов – через картографа?

⁵ Фрумкин П. А. К истории открытия Шпицбергена // Летопись Севера. Т. II, 1957. Данное чтение предложил, как там сказано, В. Шишмарев.

⁶ Обручев С. В. Русские поморы на Шпицбергене. М.: Наука, 1964. С. 79–82. Популярный жанр книги не позволил привести оригинал, что досадно. Чекин привел оригинал пассажа о Груланде.

4. Зачем в письме о возможных выгодах морского пути в Китай упомянут арктический остров, принадлежавший русскому государю?

5. Зачем убеждать португальского короля, что его славят народы, о нем ничего не слыхавшие? Это – рутены (русские) и *apolonios scithos*.

Начнем с последнего. Перечень народов, якобы прославляющих Жуана, таков: немцы, итальянцы, рутены и *apolonios scithos*. Причем о последних сказано, что они живут «под сухою звездой арктического полюса». Первые три – это народы, близкие Максимилиану (он даже предлагал Ивану III королевскую корону), а вот последний народ загадочен. О поляках не может быть и речи, так как именно они были главным неприятелем Максимилиана и никак в ряд с другими не становятся. Если видеть в скифах один из народов Восточной Европы (что и принято делать), то они не были близки ни тому, ни другому королю. Остается искать смысл в «сухой звезде».

«Сухость» взята у Гомера (Илиада, XVIII, 487): созвездие Медведицы – единственное, не опускающееся в воды Океана, т. е. всегда видимое:

Арктос, сынами земными еще колесницей зовомый;
Там он всегда обращается, вечно блюдет Ориона
И единый чуждается мыться в волнах Океана.

В эпоху Гомера небо еще не было поделено на созвездия, их было выявлено мало, и единственным незаходящим созвездием была (Большая) Медведица. Перевод Н. И. Гнедича неточен (в подлиннике перед *Арктос* стоит артикль женского рода, т. е. упомянута Медведица), но тут нам это неважно. Важно, что адресату дан ключ к чтению, всем тогда понятный: из всех северных (живущих там, где бывает в зените полярное созвездие ⁷) народов Жуану следует обратить свой взор на тот, который назван греческим термином. Сам термин тоже не мог вызвать трудностей у знатока античной географии: «аполлоновы скифы» – это *гипербореи*, описанные у Диодора Сицилийского как почитающие Аполлона ⁸.

Итак, Жуану предлагалось включить в круг своих интересов Северный океан, ибо там есть для него большая выгода, связанная с обитающим там народом, который (в том порукой Максимилиан) дружен португальскому королю – настолько же, насколько все народы, близкие римскому королю. Что за выгода, объясняет все письмо Мюнцера – это морской путь в Китай.

Тут-то и ясно, почему в качестве автора избран известный картограф: только от его лица предложение Максимилиана о союзе и могло выглядеть серьезным. Римский король нуждался в союзе с португальским (это подробно описано у Обручева), он не мог предложить ему никаких земель и сокровищ, зато предлагал отвести от него тот удар, какой нанесла ему папская булла: раз уж путь на запад португальцам закрыт, надо искать путь через север, и тут как раз кстати русские: они и с Максимилианом дружны, и на севере властвуют.

⁷ Но не Полярная звезда, видимая в зените только на самом Полюсе. Дело в том, что у греков слово *астрон* означало и звезду, и созвездие, и вообще небесный знак (в отличие от римлян, у которых звезда обозначалась словом *stella*, а созвездие словом *sidus*). Дав греческий ключ к пониманию, автор указывал адресату, что и латинское *stella* надо понимать в греческом смысле.

⁸ Гипербореи – сказочный народ, живущий у самого берега Северного океана. Это место отнюдь не означало страну вечного холода (см.: Чайковский Ю. В. Доплатонова космология и Коперник // Историко-астрономические исследования. Вып. 30. М., 2005. С. 188). Средневековая легенда, по которой рай расположен на острове в Северном океане (Чекин, с. 36), была, по моему, трансформацией античной легенды о стране гипербореев.

Нигде Мюнцер не пишет, что плыть в Китай надо на запад, зато уверяет, что португальцам *почти* не придется страдать от жары и стужи (*Обручев*, с. 80–81). Это – самое туманное место письма. На мой взгляд, оно означает, что, в отличие от западного пути, целиком лежащего в умеренных широтах, северный путь комфортен не всюду, однако картограф ручается, что дискомфорт недолог.

Вот зачем Груланда: во-первых, она говорит о силе московского государя, во-вторых – о его нынешней активности (недавнее открытие)⁹, в-третьих, она обитаема и даже более (там огромное поселение). Значит, и плыть мимо нее необременительно, и припасы обновить можно, если дружить с Максимилианом.

Теперь нетрудно ответить и на первый вопрос: Жуану предложено отнюдь не повторение уже достигнутого Колумбом, а нечто совсем новое, – поскольку испанцам достался путь в Индию, постольку португальцам надо освоить дорогу в Китай.

Но зачем весь этот ребус? Что мешало объяснить все прямо? Думаю, что Максимилиан при первом контакте осторожничал. Если письмо действительно вез в Португалию картограф Мартин Бехайм, то он мог дать все разъяснения устно и доверять их бумаге было необязательно, зато при попадании во враждебные руки оно выглядело бы пустой лестью, никому не опасной.

Итак, письмо Мюнцера представляется мне первым известным науке призывом искать *северо-восточный проход* в страны Востока. Мимоходом написал об этом и Чекин: «Сведения о русских открытиях в Арктике должны были вызвать интерес не только в плане поисков северо-восточного прохода в Китай, но и с точки зрения судьбы норманнских колоний в Гренландии» – если отождествить ее с Груландой (с. 37). Но встают новые вопросы:

6. Откуда идея этого прохода взялась и чем была обоснована?

7. Как быть с той общепринятой точкой зрения, что она возникла лишь через 32 года? Ведь принято считать, что ее впервые высказал русский дипломат Дмитрий Герасимов в Риме в 1525 г.

Отвечу: идея северо-восточного прохода не могла быть принята обществом сразу, и тот факт, что Герасимов имел быстрый успех, говорит о том, что она не была нова, что она уже до этого обсуждалась. Следы обсуждения надо искать где-то во времена письма Мюнцера, и можно полагать, что идея возникла у него или другого ученого как осмысление сведений о русской Арктике.

8. Так что же такое Груланда? Можно ли указать ее на карте?

До сих пор историки называли три объекта – Шпицберген (Грумант), Гренландию и Новую Землю. Чекин справедливо пишет, что надо «отделить вопрос о происхождении названия от происхождения других сведений об острове» (с. 41). Первые два подходят только созвучием названий, и Гренландия могла послужить прототипом (Грумант сам объявился лишь через сто лет, и его имя – калка с Гренландии), тогда как Новая Земля – реальный объект, о котором могли быть получены сведения от моряков. И они действительно были.

Клавдий Помпоний Лэт в 1480 г. вернулся из Восточной Европы, и его слова: «Есть большой остров и на крайнем севере, по направлению к востоку, недалеко от материка: там редко, почти никогда не загорается день» – были опубликованы, а его ученик Конрад Целльс был приятелем Мюнцера. К востоку от Белого моря, единственного пути москвитов в Арктику, лежит Новая Земля.

⁹ Для западного короля всякое открытие было итогом активности властей, он вообразить не мог, что русские поморы действуют сами, без ведома Москвы.

Остается понять, где Мюнцер мог узнать длину берега. О таком плавании мы не знаем ничего, зато знаем, что в Нюрнберге, где жил Мюнцер, около 1490 г. не раз бывали люди из России (*Обручев*, с. 120). Что он мог узнать от них?

Здесь полезно применить *четвертый прием*, оказавшийся мне полезным в прежних исследованиях, – глянуть не только на тексты, но и на материальный объект анализа, на реальную карту Арктики. Длина западного берега Новой Земли, если плыть вдоль него, не заходя в заливы, действительно составляет полторы тысячи км, и другого столь длинного острова просто нет. Шпицберген – не остров, а архипелаг, и признать его за остров в XV в. было нельзя, поскольку обледелен архипелаг позже, с движением общего похолодания (Малый ледниковый период) на восток из Канады (точнее см. *Чайковский*, 2001. С. 153). Да и немыслимо, чтобы русские открыли его (не говоря уж о Гренландии), не открыв лежащую рядом с русским берегом Новую Землю. Поэтому и первое сообщение датчан (1576 г.) об известной только русским земле (*Обручев*. С. 110–111) вернее относилось не к Шпицбергену, а к Новой Земле.

Мог ли в кругозоре русских существовать еще какой-то объект, не остров? В этом смысле привлекает внимание и даже поражает карта, приложенная к «Географии» Птолемея, изданной в Риме в 1508 г. На ней дан контур арктического побережья, где легко узнать Кольский полуостров, Белое море, полуостров Канин, мыс Русский Заворот, Печорскую губу, Югорский полуостров, Байдарацкую губу (в которую упираются Уральские горы), полуостров Ямал, Обь с Обской губой, полуостров Гыданский, Енисей с Енисейским заливом и, наконец, западный берег Таймыра. Однако дальше начинается фантастика: берег не загибается к востоку (от нынешнего Диксона), а простирается на север до 80-й параллели, после чего уходит обратно к югу. Далее контур берега ничему не соответствует. Названий, кроме «*Imaus mons*» (Уральские горы), в данной части карты нет, зато, удивительным образом, верно показаны направления Уральского хребта и обеих рек – Оби и Енисея, а также верно указана широта северной оконечности Ямала (где, кстати, в старину полагали устье Оби).

Тем самым карта опередила свою эпоху лет на полтора и являет собой едва ли не самый загадочный документ в истории освоения Арктики.

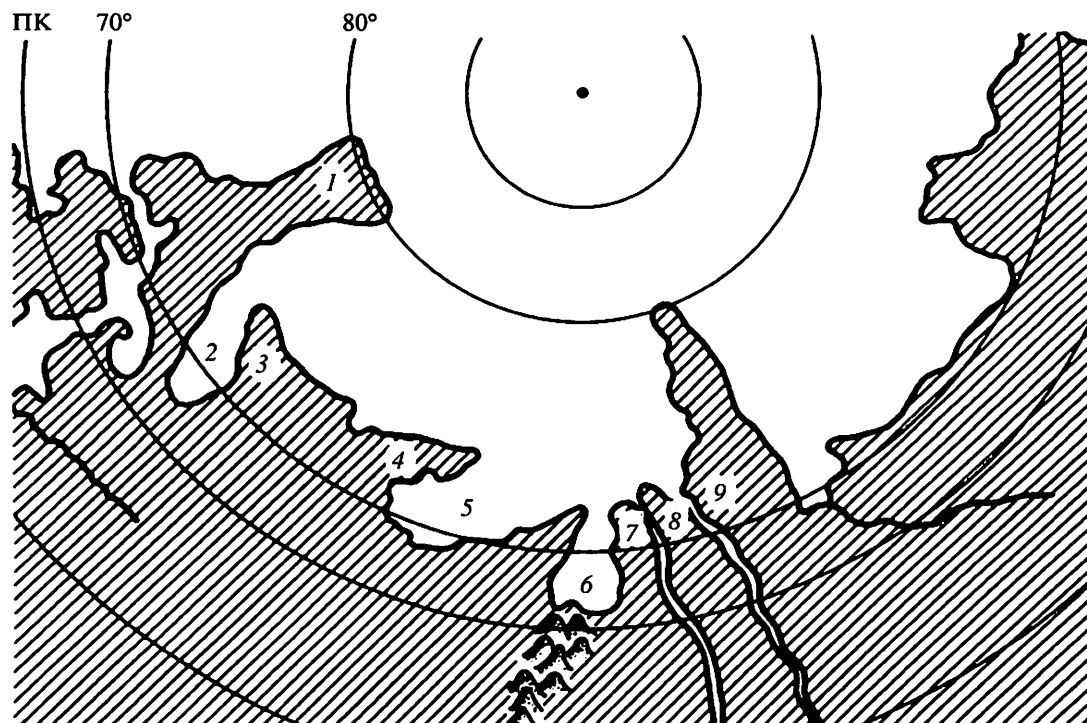
Вот, следовательно, еще одна загадка, последняя:

9. Откуда во времена Колумба мог стать известен арктический берег?

Как ни странно, вопрос прямо связан с Груландой: если здесь нет ошибки (если карта в самом деле опубликована в 1508 г.), то надо признать, что для Груланды есть еще один кандидат – *квази-Таймыр* (узкий полуостров на месте Таймыра). Могут возразить, что Мюнцер писал за 15 лет до публикации карты, но на это отвечу, что ее данные не могли быть собраны сразу, в одно плавание.

Широты всех объектов на карте сильно *завышены*, кроме *трех*: это Байдарацкая губа и устья Оби и Енисея; чем дальше от этих мест, тем более карта приобретает характер расспросной. Мне представляется, что ее автор спустился по Оби до моря и, возможно, побывал в Байдарацкой губе и в низовьях Енисея, остальное же узнал из расспросов. А это значит, что арктический берег был уже кому-то известен до путешествия данного автора.

Поскольку историки признают, что низовье Оби было в XV в. известно русским, то это знание вполне могло попасть в Москву и на Запад. Удивительно лишь то, что на севере Ямала оказался западный *некто* (русские еще не измеряли широт), о котором ничего не известно, но карта которого достигла Запада. Да, удивительно. Однако факт сбора информации налицо, и замалчивать его грешно. Если же признать, что этот некто существовал, то его плавание по Оби куда более правдопо-

Арктический берег на карте из «Географии Птолемея» (Рим, 1508). Никаких названий нет, только подпись при Уральских горах: *Itaus mons*. Контур Скандинавии фантастичен. Но легко узнаваемы: 1 – Кольский полуостров, 2 – Белое море, 3 – полуостров Канин, 4 – Русский Заворот, 5 – Печорская губа, 6 – Байдарацкая губа, 7 – полуостров Ямал и река Обь, 8 – Гыданский полуостров и река Енисей, 9 – восточный берег Енисейского залива; ПК – Полярный круг

добно, чем из Европы – хотя бы потому, что он, как видим, не знал Новой Земли. Тут-то мы и приходим к Груланде.

На тех (известных мне) картах, где есть квази-Таймыр, нет Новой Земли, т. е. эти два объекта друг друга замещают, а значит, вероятно, отображают одну и ту же информацию, но попавшую в разные места на карте. Если Чекин прав, допуская, что информация о Груланде могла касаться не только острова, то все становится по местам: огромный (1500 км) берег мог быть фактически выявлен только у Новой Земли, но вот на карту мог быть положен различно. И уходящий далеко на север западный берег Таймыра, никем до конца не пройденный, вполне мог быть отождествлен с сообщением о берегу Новой Земли.

Если так, то Груланду времен Мюнцера надо понимать двояко: как реально открытую сушу (это могла быть только Новая Земля) и как объект картографии. Последний можно видеть в квази-Таймыре (карта 1508 г.) и в изображениях Гренландии. О Шпицбергене сведений XV в. нет, данные археологии говорят о поселениях там с середины XVI в. (Чекин. С. 39), и говорить о нем излишне.

Ну а что касается «огромного поселения людей» на Груланде, то это явная выдумка, поскольку такового в Арктике не было нигде – ни в природе, ни в текстах, ни на картах. Полагаю, что выдумка вполне сознательна и понадобилась ее автору с чисто политической целью – привлечь португальцев к идее северо-восточного прохода. Цель вскоре отпала, и поселение больше не поминалось.

Наконец, о самой идее северо-восточного прохода. Мне могут возразить, что ее нельзя было высказать в XV в., поскольку не было еще идеи связи Северного океана с Восточным. На это можно ответить так: во-первых, об этой связи можно было фантазировать, а во-вторых и в-главных, данный проход вовсе не обязательно связывался с морским путем вокруг Азии. Когда через сто лет после загадочной карты были собраны первые свидетельства иностранцев о Западной Сибири¹⁰, то оказалось, что главный их интерес – поиск возможности попасть в Китай по Оби или Енисею.

Первым (на сегодня) автором, давшим пищу для таких надежд, был некто, показавший верный путь этих рек. Недаром только они и указаны на его карте.

Традиция, дошедшая до нас в виде этой карты и письма Мюнцера, пустила глубокие корни: в 1580 г. знаменитый картограф Гергард Меркатор писал, что лучший путь в Китай – через одну из рек, впадающих в морской залив за Новой Землей¹¹. А из поступивших в последующие 30 лет донесений иностранцев видно, что их в Сибири интересовали не столько пушнина, сколько норильский никель (который землепроходцы принимали за серебро) и возможность попасть в Китай по Оби или Енисею.

¹⁰ *Purchas S. Hakluyts posthumus or Purchas his piligrimes containing a history of the world in sea voyages and land travells by Englishmen and others (1625). Vol. 13. Glasgow, 1906.* По-русски они изложены в книге: *Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1941.* Как материал для истории северо-восточного прохода они еще ждут своего исследователя.

¹¹ *Алексеев М.П. Сибирь в известиях... С. 174.*